

Олег Скрынник

ТАЙКИНО СЧАСТЬЕ

рассказы и стихи

Олег Скрынник
Тайкино счастье.
рассказы и стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19147819
ISBN 9785447492694*

Аннотация

Новая книга Олега Скрынника содержит последние рассказы, стихотворения и литературные пародии. Герои произведений – наши современники, занятые решением различных проблем, которые приносит им наша непростая жизнь. В решениях, принимаемых ими, сказывается выдумка, характер и неповторимая индивидуальность. Стихи демонстрируют поэтическое осмысление автором окружающей нас действительности во всём её драматизме. При этом автору никогда не изменяет чувство юмора.

Содержание

XXI век	7
Обход	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тайкино счастье
рассказы и стихи
Олег Скрынник

© Олег Скрынник, 2016

© Алёна Погребная, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

XXI век

Ученик 7-го класса «Б» Валерка Копалькин, светлый и долговязый в неведомого отца, сдвигает в сторону стаканы с мокрыми чайниками. На освободившееся место стелет номер газеты «Труд». Отрывает клочок, чтобы протереть запачканный чернилами конец авторучки. Наконец, горько вздохнув, пишет в тетради с замятыми уголками число, чуть ниже – «Домашняя работа».

И надолго задумывается... Вернее, погружается в оцепенение, куда, бывает, сносит, когда впереди не очень ясная работа.

Столбняк длился бы ещё, если б не воробей. Долбанулся в окно – хватит, мол, спать – и задержался, вытянув любопытную шейку.

Валерка, хмыкнув, склоняется над тетрадью и выводит единственную имеющуюся в наличии фразу.

«Моё представление о будущем».

Прикрыв глаза, честно пытается представить это самое будущее. Но перед внутренним взором возникает лишь мельтешение каких-то закорючек. Чтоб зайти с другого бока, крупно пишет на полях газеты «2000». Дата красивая, кругленькая, но наполняться зримыми образами не хочет. Валерка пытается представить себе две тысячи хотя бы чего-нибудь... И с горечью видит, что даже не может придумать,

чего именно. «2000 км» так же безлико, как и «2000 т», а «2000 мг» – как-то увидел на коробке в аптечке матери, – так это ж «2г»! – такая чепуха, о какой и думать-то не стоит.

Столбиком подсчитывает, сколько ему будет лет. Получается пятьдесят три. Дощатый стол в углу двора, обсиженный мужиками в кепках и шляпах, трясущиеся руки, чёрные костяшки домино... Что это за будущее!

Эх, заглянуть бы под локоть отличницы Таньки Пашутиной да стыбздить что-нибудь из её правильных мыслей!

Парень встаёт и с кислым лицом делает круг по комнате. Натыкается на забытую в уголке дивана библиотечную книжку «Кратер Циолковский». В слабой надежде выудить что-нибудь оттуда, перечитывает, как партизана Платона Журко спасают от белогвардейской расправы дымчато-синие пришельцы, молчаливо сочувствующие делу освобождения рабочего класса на планете Земля. Увлёкшись, не замечает, как прочитывает по второму разу добрую половину книги.

Бой часов в соседней комнате, у Малининых, отвлекает от чудесной встречи со спасённым партизаном через много лет на Луне.

Да, книжка поможет едва ли. Во-первых, борьба с белогвардейщиной – где-то далеко-далеко в прошлом и к заданной теме совсем уж не лепится. А во-вторых – и в-главных! – действие происходит лет за двадцать до двухтысячного года. Ведь это время – вот оно, его и за будущее-то толком считать нельзя. Всем известно: будет построена материальная база

коммунизма. И конечно, тогда – а может быть, и раньше – наши всюду будут работать на Луне. Сомнительно только, что там откуда-то появятся американцы. Они ещё и в космос-то не летали! Но, в конце концов – ладно уж, допустим. Тем более что – по книге – американская техника то и дело ломается, а сами они постоянно строят козни как нам, так и друг другу, из-за чего нашим то и дело приходится беззаветно их спасать. И где ж тут, извините, фантастика? Это просто газета какая-то. Последние известия. Не-ет, мои хорошие, конкретное будущее начнётся только в XXI веке, после таинственного года с тремя нулями.

Валерка поднимает глаза к потолку, где у корня типового, матового стекла, светильника устраивается на зимовку медлительная муха.

Хочется курить.

Парня встречает спокойный осенний день, уже не тёплый, но ещё сухой и солнечный. Возле магазина, между низким штакетником и припаркованной поодаль мотоколяской, как бы в задумчивости прохаживается лопухий Вася Ченцов, восьмиклассник из шестой школы.

– Привет!

Едва ответив на рукопожатие, Вася выставляет ладонь, словно охраняя неостывший асфальт, которого здесь нет и в помине. Остановив Валеру, нагибается и, делая вид, что завязывает шнурок, ловко подбирает с земли два окурка.

– Посмотри вон там.

Валерка повторяет уловку приятеля и тырит несколько «бычков» у самого колеса мотоколяски.

– Эй, чего тебе там надо? – хрипит задиристый голос.

Вышедший из магазина инвалид, вооружённый костылём и бадиком, с неожиданной прытью приближается к мальчику.

– Уж и шнурок завязать нельзя! – огрызается Валерка, отскакивая на всякий случай подальше.

– «Шнуро-ок»! – передразнивает инвалид, грузно устремившись на сиденье коляски. – Прошлый раз перчатки увели. Прямо из кабины. У инвалида. Сволочи!

Коляска застрекотала, обливаясь синим дымом.

Скамейка, притаившаяся между глухим забором и кустами жёлтой акации, тускло освещивает.

– «Помер» – объявляет Вася, передавая остаток сигареты «Памир».

– «Нищий в горах», – подхватывает Валерий.

– О-о! А у меня «Прима»!

– Ну, конечно! Как получше – так себе!

– Ой, да хочешь – давай разменяемся. Что, я его выбирал, что ли? Забери н-на ...!

– Да ла-адно. Кури. Я просто так сказал.

Василий прикуривает свой «чинарик» и, зажав его между спичками, чтобы не обжечь пальцы, глубоко затягивается.

– С-сальдо... В карман! – подхватывает Валерка, к этому времени почти уже сползая со скамейки.

– А возьмут? – говорит он, когда оба отдышались.

– Дядька договорился. Учеником токаря обещали взять. А что? Семилетку кончил, хватит с меня образования. Не всё же учиться. Надо когда-то и пожить. А?

И, прерывая задумчивое валеркино молчание, продолжает.

– Ни ...! Зато теперь «бычки» сшибать не будем. Денежка будет в кармане! А?

Он хлопает Валеру по плечу.

– В отпуск на базу отдыха поедем. Волейбол, девочки... Э? Ни тебе букварей, ни арифметики – житуха! А говорят, скоро вертолётны начнём выпускать.

– Иди ты!

– Чё «иди ты»! Скоро вертолётны будет – хоть жопой ешь. Сплошные вертолётны. Куда надо – садись, лети. На машинах – так, пенсионеры разные будут катать, да детишки баловаться. А вся путёвая публика – на вертолётны.

Валерка пытается представить небо, заполненное винтокрылыми машинами, тархтящими и застыщими солнце, и ему становится не по себе.

– А как же они разъедутся?.. – то ли спрашивает, то ли вслух рассуждает он. – Лопастны-то у них во-о-о!

– Дура, – отвечает Васька. – Это ж тебе не на земле. Неба на всех хватит! А в крайнем случае, можно и выше поднять-

ся.

Валерка молча соглашается, что насчёт «выше» он как-то не подумал.

– А со стоянками как? Им ведь сколько места надо!

– А стоянки будут прямо на крышах.

– На крышах? Они же оттуда свалятся.

– Дурак, крыши-то не такие будут. Плоские. Секи: приземлился – и сразу в дом. По земле и ходить не надо. А потом и машины отменят. Дорог – никаких не будет. Кругом травка. Хоть в футбол играй, хоть загорать ложись!

– А как же в дождь? С плоскими-то крышами.

Васька машет рукой.

– Придумают что-нибудь. Вон, говорят, дожди расстреливать можно.

– Как это «расстреливать»?

– Каком кверху! Из пушек.

– Эт где это такое говорят?

– Да у нас в классе один где-то читал.

– Прямо снарядами?

– Нет, арбузами. Конечно, снарядами!

– Да ведь снарядов не напасёшься.

– Ха! Снарядов. Снарядов вон ещё с войны по складам лежит чёртова уйма.

– Да ладно!..

– Чё «ладно»! У нас во дворе старшина, сверхсрочник живёт. Как-то по пьянке мужикам рассказывал. Да скоро и во-

обще разоружение будет. Совсем некуда их будет девать!

– Чтобы разоружение делать, надо, чтоб коммунизм везде был.

– Ну, так и будет. Слышал, что по радио говорят?

– Но это ж ещё через двадцать лет!

– Каких двадцать! Уже меньше осталось.

– Ну, подумаешь, – немного меньше!

Васька прикуривает ещё один «бычок» и, затянувшись, мечтательно произносит:

– Представляешь! Никаких денег не надо. Заходишь: чего тебе? Шоколад – пожалуйста. Кукурузные хлопья – будьте любезны. Сигареты – да на здоровье...

– Не-ет, – тянет Валерка, уклоняясь от васькиного дыма. – Сигарет, наверно, не будет.

– Эт почему это? – Васька втыкает в приятеля свои огненные ресницы.

– Все курить бросят. Вредно.

– Это табак-то вредно? Не кизди.

– А чего же, вон, плакаты везде поразвешаны? «Курить бросим – яд в папиресе!»

– Гы-гы! А мы курим сигареты.

– Всё-таки, я думаю, курёжку отменят, – не обращая внимания на дурацкую шутку, гнёт свою линию Валерка.

– Как ты её отменишь?

– Да очень просто: продавать не будут.

– Будут самосад сажать, – уверенно возражает Васька.

И, помолчав немного, добавляет.

– Вот анашу курить – это действительно вредно.

– Сказал тоже: анашу! Её вообще запретят. С неё с ума сходят.

– Анашу и сейчас курить запрещено. Она мозг сушит, – со знающим видом замечает Васька.

– А я слышал, что в Средней Азии её свободно курят. Как же так?

– Откуда я знаю? Может быть, у них не сушит!

Из шуршащих кустов акации выныривает кудрявая фигура в короткой чёрной шинельке и «ремесленных» чоботах с заклёпками. Точное имя фигуры никому не известно. Кто говорит, что Сергей. Кто успорядет, что Петя. Сам же он охотно откликается на Мичман, что устраивает и тех, и других.

– Фу-у, какую гадость вы курите! Насобирали окурков. Вот сифилисом губы-то вам обмечет! – приветствует он приятелей фразой из «Ивана Денисовича».

– Привет, – отвечает Васька. А ты чё сегодня куришь? «Гавану» что ли?

– «Хабана» Погарского комбината? – насмешливо подхватывает Валера.

– «Хабана» не «Хабана»...

Мичман вынимает из кармана щегольскую пачку сигарет «Джебел».

– Ого! – присвистывают друзья. – Это албанские, что ли?

– Опомнися. Албания нам уж который год ничего не по-

ставляет. Это Болгария!

– Ух ты! – не удержался Валера. – А покажи.

Ему давно хотелось посмотреть, как открываются эти заграничные пачки.

Мичман жеманно прихватывает кончик узенькой красной ленточки и тянет за него. Рука описывает окружность вокруг пачки, и ленточка отпадает вместе с верхом целлофана. Валера разглядывает сигарету, украшенную затейливым золотым вензелем. От неё исходит такой аромат, что не хочется прикуривать.

– Ну, что. Отменяют курёжку в двадцать первом веке? – ехидничает Васька.

– Откуда такая роскошь, Мичман?

– К соседям сын приехал из армии.

– Ты говорил: он где-то за границей служит.

– На Кубе.

– В отпуск?

– Комиссовали. Он без ноги приехал.

– Ух, ты! Как это?

– Не говорит. Да я и не спрашивал. Ему должны протез за государственный счёт сделать. Вот он и сидит, ждёт. Бухает. Я ему за бутылкой сбегая – он мне какую-нибудь мелочишку и подбросит.

– А тебе и водку дают?

– Мне всё дают. Шинелка выручает! – Отгибает казённый лацкан и демонстративно целует. – Они думают: я в ре-

меслухе учусь.

– Хорошо устроился, – хмыкает Васька. – А летом?

– А на лето у меня фурага есть. Ты разве не видел?

– А-а, ну да. Из-за неё тебя «мичманом» -то и прозвали?

– Не знаю.

– А говорят, сейчас какие-то с фильтром появились, – говорит Васька, указывая на сигарету.

– Появились. Но за ними ходить далеко, к самой «пожарке». И дорого. На пять копеек дороже.

– На пять копеек! – присвистнул Васька. – Трюльник добавить – и пачка «Байкала».

Валера поиграл в кармане болтавшейся там второй день трёхкопеечной монетой так, как будто у него уже были эти пять копеек.

– Привет, желтор-ротые!

Сквозь кусты, зажав в одной руке кирзовую сумку, а другой придерживая полы телогрейки, вламывается Керя – мужчина неопределённого возраста и занятий. Ребяшня сдвигается поплотней, но он, не садясь, нашаривает в сумке стеклянную банку и протягивает Валерию.

– Задень воды, мой юный друг.

Валера направляется в дальний угол сквера, где из торчащей из-под земли трубы постоянно течёт вода. Летом сюда прилетают птицы, заворачивают вольноопределяющиеся кошки, собаки и гонимые жаждой прохожие – кто знает про это место. Зимой посетителей почти что нет, вода течёт оди-

ноко и, должно быть от скуки, развлекаясь, лепит причудливые формы, напоминающие не то сталагмиты, не то колонны в мавританском стиле, не то гигантской толщины манильские канаты. Фигуры эти сохраняются почти до конца лета, в июльскую жару радуя своей прохладной голубизной. Не успевают они растаять, как снова подступают холода, и всё повторяется сначала.

Вернувшись, Валера видит, как Керя вливает в бутылку содержимое двух небольших флаконов тройного одеколона. Затем достаёт из сумки небольшой, серой грубой бумаги, кулёчек и, стараясь не обронить ни крупинки, всыпает сахар. Наконец, всё хорошенько разболтав – так, что кристалликов сквозь бутылочное стекло уже не видно, – доликает, сколько умещается, воды.

– Ну что, орлы! Ликёр «Шартр-рѐз»! Прохлаждает летом, согревает в мороз!

В вырезе его выдавшей виды тельняшки воробьями быются две узловатые жилы.

Валерка мотает головой.

– Парфюмерию не пью.

– Пей «фурик», не будь дурик!

Керя выплёскивает из банки остаток воды и наливает молочно-белой пахучей жидкости. Мичман берёт банку и делает большой глоток.

– Ну, как? – интересуется Васька.

– Ништяк. – Вытирает губы рукавом шинели.

Вася отхлёбывает и застывает, раздумывая, проглотить эту гадость или всё-таки выплюнуть. Воспользовавшись этим, Мичман отбирает у него банку и допивает до дна.

– Ну, как там Витя Лось, твой сосед?

– Да как... Я уж тут пацанам рассказывал. Сидит, бухает.

Протез ждёт.

– Только протез и заслужил? Э-эх!..

– Может, потом и коляску дадут.

– Даду-ут, – тянет со вздохом Керя. – Мотоциклетную «лягушку».

И, помолчав, добавляет.

– А как мы с ним пацанами в футбол резались! Весь «Локомотив» нас уважал. А дрались с бановскими! Нас двое, а их – десятка полтора. И ничего они с нами не сделали!

– Полтора десятка – и ничего?

– Ага. Они так тусовались по одному, друг другу мешали только. А мы встали спина к спине, и уж как врежем – так врежем! Что он, что я. Друг друга стоили! Тут главное – не бояться. Одного-двух вырубил. А остальные – смотрим – топчутся, а подлезть рахают. Так и разошлись потихоньку. Ага. Потом подружились. Даже иногда пили вместе. И с тренировки с тех пор в любой час идёшь спокойно: знаешь – ни одна... тебя тут не тронет.

Здрав тельняшку, Керя скребёт ногтями впалый живот, весь расчерченный шрамами. Вытаскивает смятую пачку «Севера». Лезет в неё пальцами в поисках уцелевшей папи-

росы.

– Ты бы сходил к нему, – говорит Мичман. – А то он целыми днями всё один. Скучает.

– Да...

Керя взрывается кашлем. Словно там, внутри, схватились два зверя. Один хочет вывернуть человека наизнанку, а другой не даёт. Вцепились когтями и грызутся с рёвом, визгом, остервенением и не понять, какой приносит больше страданий.

Наконец звери соглашаются на краткую передышку. Керя прикуривает потухшую папиросу и безнадёжно усталым голосом заканчивает:

– Да... Как-нибудь.

– Жалко мужика, – говорит Мичман, когда ребята остаются одни.

– Эх, был бы сейчас двухтысячный год! – восклицает Васька. – Ему не мотоколяску, а какой-нибудь выдали бы вездеход. Да что вездеход – везделёт! Жжик – и слетал куда надо. Скажи? Хоть на охоту, хоть на рыбалку. Хоть, если надо, – в Москву. Или на море.

– Двухтысячный! Да в двухтысячном ему бы и везделёт твой не понадобился. Ему б эту ногу как настоящую сделали. Какую-нибудь радиоуправляемую. А?

– Или свою назад пришили бы.

– Вообще-то, я про Керю, – задумчиво произносит Мич-

ман.

– А что про Керю? – опешили мальчишки. – Алкаш, он и есть алкаш.

– Много вы знаете, «алкаш». Знаете, какой он был? Сам Витька Лось ему завидовал. Он и в офицеры-то пошёл для того, чтоб Керю переплюнуть. А Керя – красавец, отличник, умнейший парень. Знаешь, как за ним девки ухлыстывали!

– А ты-то откуда всё это знаешь?

– «Откуда»! Я ж Витькин сосед. Да и Керины старики там недалеко жили. Это он уже после на Спутник переселился. А так... Они меня везде брали.

– И по девкам тоже?

– Представь себе. Я же пел и плясал, пахан меня научил. Ка-ак сбациаю что-нибудь, они все аж обоссываются! За это дело да за кудряшки меня цыганёнком звали. Девки то яблочек, то конфет насыют, что в карманы не помещаются. За пазуху складывал!

Он помолчал, наслаждаясь воспоминанием.

– На футбол ходил, за них болеть. Между прочим, два раза чемпионами области были! И на Лысую гору...

– А на Лысую-то зачем?

– Э-э, да вы маленькие у нас, раз не помните. Там раньше соревнования были по авиамоделлизму. И Керя, если хотите знать, по этому делу кандидат в мастера.

– Что-о?! И за это тоже кандидата дают? – изумился Васька.

– Ещё как дают. А он – знаешь, какой конструктор! Изобретатель.

– Иди ты. И что же такое изобрёл? Ракету?

– Хрен её знает, но что-то там на заводе изобрёл. Пахан рассказывал, как его поздравляли, премию вручали.

– А что же случилось?

– Случилось. Шёл со второй смены – и нарвался. Восемнадцать ножевых. Секёшь? Полтора сантиметра до сердца не достали.

– И кто же его так?

– А никто не знает. Их так и не поймали.

– А за что?

– Да хрен их маму знает, за что. Сам он ничего не помнит, его без сознания нашли. Как бывает: подойдут что-нибудь, слово за слово... Ничего не знают: ни кто такие, ни сколько их было. Ничего! Ему Франц операцию делал. С того света вытащил!

– Ну, Фра-анц!... – протянул Валера. – Это был волшебник. Профессор Сальватор! Интересно, где он сейчас?

– Говорят, в Москву забрали... Да. Так вот, Керя. Из больницы пришёл совсем другим человеком. На завод возвращаться не стал. С тех пор болтается. То грузчиком в магазин пристроится, то на станции чего-нибудь сшибёт. Старики померли, дом продал. Пропил... Совсем другой. Даже разговор у него стал какой-то... Вот это «гы-гы». Раньше никогда так не разговаривал!

– А где это... Его порезали-то?

– А в Рабочей. Сейчас там хоть какое-то освещение сделали. А тогда было – на весь курмыш полтора фонаря.

– Бы-ыло полтора. А сейчас, может, два.

– Чего делать-то будем? Темнеет уже.

– У кого сколько?

– У меня трюльник.

Валерка сжимает в кармане тёплую, как живая, монетку.

– И у меня десятчик, – говорит Мичман, так и не дождавшись, когда подаст голос Вася. – На кино не хватает.

– Пошли на улицу. Может, кого найдём.

В ателье, что в доме напротив, уже светят белым и розовым длинные лампы. Видно, как двигаются работницы в козырьках и фартуках, с обнажёнными до плеч руками. На фоне окон темнеют несколько разнокалиберных силуэтов.

– Здорово, шпана! – обращается к силуэтам Мичман. – Как насчёт кино?

– Финансов не хватает.

– Да нам добавить семнадцать копеек всего. Наберётся?

– Семнадцать-то наберётся, – воспрянули духом пацаны. –

И сколько это будет?

– Сколько надо. Тридцать.

– А вдруг сегодня сорок?

– Не-е, – отзывается малого роста пацанчик. – Я сейчас мимо шёл, узнавал. Точно тридцать!

– Ну, тогда вперёд! – командует Мичман, и ватага валит за ним прямо по мостовой.

Выйдя из кассы с узеньким синим билетом, глазами отыскивает Ваську.

– Держи. Сегодня ты идёшь.

– Чё это я? – хмуро осведомляется неплатёжеспособный Васька.

– Ты сегодня самый солидный. Гля, лапсердак у него — мохнатый, плечистый... Орёл!

Компания одобрительно гудит. У джентльмена с билетом самая ответственная миссия. Когда начнётся сеанс, втихую достичь заднего выхода. Проскользнуть под портьеру. Бесшумно снять крючок и вернуться на место. Понятно, что он должен выглядеть более-менее «по-взрослому», дабы не провоцировать контролёршу на нежелательную бдительность.

Отправив «казачка» внутрь обживаться, Мичман присваивает оставшимся порядковые номера.

– Значит, так. Толпы не делать, рассредоточиться. Первый прогуливается в районе заднего выхода, Второй за ним наблюдает. Как первый зайдёт, считает до ста пятидесяти и только тогда заходит сам. Не раньше! Третий считает от первого до трёхсот, четвёртый до четырёхсот пятидесяти и так далее. По залу зря не болтаться, в передние ряды не лезть. Уходить через задний выход, не дожидаясь, когда зажгут свет. И тихо как мышки. Всем понятно?

Все давным-давно это знают. Однако ж инструкцию выслушивают без шума, с полным вниманием. На её строгом соблюдении держится всё предприятие – сегодня, завтра и всегда.

– Замыкающим пойду я.

Обязанность замыкающего – притворить дверь, накинуть крючок, расправить портьеру и вообще сделать всё как было. Тоже абы кому не доверишь.

– А какое кино-то? – спрашивает Валерка. Он забыл посмотреть афишу.

– Да хрен её знает, – слышится из темноты.

– Какая-то «улица».

– «Плутона», кажется.

– И ещё «дом номер 1», – добавляют уже издалека.

Значит, «Улица Плутона, дом 1». А может, Платона. Или Ньютона? Чепухень какая-то.

На экране – учёные парни в белых рубашках и узеньких галстуках. То спорят, то остервенело пишут какие-то формулы – где попало и на чём придётся. То принимаются бить друг другу морды – опять же неясно, за что. До самого конца Валерка так и не может понять, чего они там все добивались, и выходит первым.

– Ох, и тягомотина! – восклицает Мичман, протягивая Валерке сигарету. – Лучше бы хлебцев купили да похрустели в садике. Скажи?

– А мне понравилось, – говорит один из пацанов. – Какая

рожа была у этого, когда он смотрел, как те дерутся в камышах!

– Ну, пока.

– Ты куда это, Лерыч? – в один голос осведомляются Васька и Мичман. – Чё: не домой?

– Мне...

Он туманно отмахивает и уходит в сторону Рабочей.

Слегка брызжет и тут же стихает мелкий дождик. Фары редких автомобилей отражаются в мокром асфальте. Тени столбов и деревьев мечутся по незнакомым фасадам.

«Кто это был?.. Сколько их было?.. За что они его?..»

Шагая, поглядывает по сторонам. Тёмные окна. Тёмные двери. Во дворах ни души. Докурив, нашаривает в кармане обломок мускатного ореха. Отгрызает крупинку. И кто это говорит, что больно уж хороший вкус? Очень даже так себе.

«Стекляшка» проходной сияет ярким светом. Смена ещё не закончилась, и внутри тихо дремлет вахтёр. На мокрую скамейку садиться неохота. Валерий пускается взад-вперёд по влажной аллее, обсаженной рябинами. В свете фонарей они фантастически красивы. А интересно: чего же всё-таки хотели эти парни, в кино? Ну, хорошо. Пусть мы дураки. Но ведь был почти полный зал. И тоже никто ничего не понял? Не должно быть. Эти формулы... Их писать никого и палкой не заставишь. А тут – оркестр играет, деваха такая рядом, а он – пошёл, пошёл строчить... А в морду за что? Тоже за них?!

Он аж остановился, пытаясь представить себе, как всаживает в переносицу... Ну, хоть тому же Ваське. За какие-то формулы? Тьфу, аж думать противно. А они... Полудурки какие-то? Не похоже. Значит, в формулах этих что-то есть. Но что?

Керя этот опять же. Вишь: изобретатель. А я мог бы что-нибудь изобрести? А как это вообще изобретают? Семилеткой тут, пожалуй, не обойдёшься... У кого бы спросить?

Мать, увидев его издали, с испуганным лицом переходит на бег. Сумка, распухшая как жаба, бьёт по ногам.

– Что? Что случилось?

– Да ничего, успокойся. Просто пришёл тебя встретить.

Она всматривается в его глаза.

– От меня ведь всё равно не скроешь!

– Да прекрати ты, наконец! Сын пришёл встретить, а она тут всякую ерунду...

Наконец она, кажется, верит.

– Фу-у, напугал. Значит, встретить. Когда такое было?

– Маленький был.

– А теперь, значит, вырос.

– А теперь возмужал. Буду тебя встречать. Мало ли что...

Она взъерошивает его пепельную шевелюру.

– Жен-пельмен. Мужчина!

– А чего так нагрузилась?

– Да... Из магазина вышла, воткнулась в очередь за арбу-

зами. Пока простояла, уж домой идти было некогда: на работу пора бежать. Вот так и получилось.

– Тяжеленный какой, – сказал Валера, перехватывая сумку. – Кормовой, что ли?

– Какой-то азиатский. Длинный такой да светлый. Корка толстенная. Но говорят, сладкий. Давай вдвоём понесём!

– Ещё чего!

Он вешает сумку на плечо.

– Ел что-нибудь?

– Ну, дак кашу же твою.

– Всю съел?

– Нет. Тебе мал-мал оставил.

– Напрасно. Надо было доедать.

– А ты?

– Я у нас в буфете закусила.

– Когда это было!

Едва войдя в комнату, мать тяжело опускается на диван.

– Что-то ухайдокалась я сегодня. Щас ка-ак завалюсь! Только бульбушки пойдут. А ты говоришь, кашу. Какая там каша! Сам доедай.

Валерка стаскивает с неё сапоги.

– Разбери сумку, а?

Он заглядывает внутрь.

– Ма, а этот кулёк куда?

Не услышав ответа, подходит, поправляет одеяло и, рас-

толкая всё по своему разумению, собирает письменные принадлежности. Потушив свет, выскальзывает на кухню. У Малининых, через дверь, бубнит радио. Сюда доносятся далёкие слова: генерал Мобуту... провинция Катанга... Он включает над столиком свою – к их с матерью комнате относящуюся – лампочку и, обхватив ногами ножки табуретки, начинает писать легко и быстро. Про двухтысячный год, про небо, полное вертолётов, которые садятся прямо на крыши. Про то, как из пушек расстреливают дожди, потому что войны кончились навсегда, и пришло всеобщее и полное разрушение. Как на Земле не осталось никаких болезней, ведь люди изобрели такое лекарство, 2 г которого, принятые в детстве, полностью и на всю жизнь защищают организм от любой гадости. А больницы переоборудованы в жилые дома, и у каждого теперь есть отдельная квартира. И робот, который гладит одежду, моет посуду и ходит... Он хочет написать «по магазинам», но вовремя спохватывается, вспомнив, что магазинов к тому времени уже не будет, потому что всё будет бесплатно, и пишет просто: «за разными товарами». Хорошенько подумав, соображает, что, скорее всего, в двухтысячном году за товарами и ходить-то будет не надо. Всё, что нужно, другие роботы будут приносить прямо домой. Чуть было не вырывает страничку, чтобы заново всё переписать. Но в последний момент решает, что и так сойдёт. Никто ведь не знает: а вдруг они будут не ходить, а летать на тех же вертолётах. Успокоенный этой мыслью, добавляет, что на фаб-

риках тоже работают только роботы. Люди же летают в космос, играют в футбол и пишут книги. Из этих слов будто сама собой вырастает картина завода, где царит чистота и безлюдье, и по формам льётся неизвестный металл голубого цвета, руду которого добывают на планете Венера.

Ещё ложась на свой диван, устало думает: а почему именно голубого? Нет, правда: почему?

Обход

– Броня Исааковна, сколько вам лет?

– Много, много, много!

Сморщенная, с крючковатым носом, старушка напоминает птицу. Движения рук хорошо дополняют это сходство.

– В нашем городе есть только две женщины, которые скрывают свой возраст. Это Фейга Яковлевна и Броня Исааковна.

Гиннес, медлительный и высокий, закончил наконец причёсывать плотные седые кудри, обрамляющие лучезарную лысину, и поворачивает голову туда-сюда, раздумывая, что бы такое с ней ещё сотворить.

– Сегодня вечером я её увижу. Мне передать от вас привет?

– Вы идёте? О-о, я такая рада за вас.

– Да, Броня Исааковна. Я не могу не пойти. А вы-ы?

Она машет рукой. Её жилистая кисть из рукава белого халата кажется тёмно-коричневой.

– Какое пойти! Сегодня Софа опять подкинет мне своих золотушных отпрысков.

– А что Семён Семёнович?

– Семён Семёнович страшно занят. Он реставрирует мебель.

– Всё ещё реставрирует? Или это уже другая мебель?

Мужчина распахивает дверцу шкафа. Критически оглядывает свежесвыглаженный халат, держа плечики на вытянутой руке. Со стороны можно подумать, что он поймал кого-то за шкирку.

– Нет, это всё та же мебель. Дело в том, что прежде, чем что-нибудь решить, он сначала всё рассчитывает. Имеет такую привычку.

Стуча старомодными каблуками, она пробегает в смежную комнату и склоняется над столиком, уставленным баночками с мочой.

– А правда, что если в какой-то баночке недостаёт урины, то вы добавляете в неё из других?

– Вы всегда всё путаете, Леонид Наумович! Это говорили о Евдокии.

– А-а.

Он оборачивается к зеркалу. Поправляет галстук и застёгивает халат на все пуговицы.

– О Евдокии, которая уже сорок лет, как здесь не работает.

– Сорок лет! Как бежит время.

– Я удивляюсь, откуда вы вообще можете о ней знать!

Губы мужчины трогает едва заметная улыбка.

– Мадам Кудасова уже на работе?

– Она, коне-эчно, уже на работе. Но до меня ещё не добралась.

– Ещё бы! До вас не так-то просто добраться.

В палате бело и солнечно. Навстречу доктору лица больных самопроизвольно растягиваются в улыбках.

– Ну-у, и как тут у нас? – вместо приветствия заговаривает он. – Вот вы, молодой человек. Вижу, вы поменяли койку. Поближе к выходу?

– Всю ночь бегал. Не знаю уж, куда, – сипит с дальней кровати грузный Жорик, водитель. – Прибёг только под утро, весь в духах. Вы вот его обнюхайте!

– Один мой знако-омый примерно так же набегал на тысячу двести рублей в месяц. Это ещё теми деньгами!

Доктор ощупывает поясницу парня. Тот дёргается от резкой боли, но, закусив губу, терпит.

– Як? Заробыв? – удивляется пожилой поджарый каменщик Павло Зима.

– Заработал двадцать пять процентов алиментов. Как одну копеечку.

Палата взрывается хохотом. В проём двери просовываются две любопытные посторонние физиономии и встают там на мёртвый якорь.

– На свидания бегать пока рановато.

Он переходит к Жорику.

– Так будем ещё лазить зимой под машину?

– Да как же под неё не полезешь, Леонид Наумович! Ехать-то надо.

– И снова приедете прямо сюда. Это я вам обещаю как родному сыну. Берите сейчас же направление на ВТЭК.

– А так можно?

Жорик поднимается с постели, изо всех сил преодолевая боль. Глаза заполняются слезами. Губы дрожат, готовые искривиться в стоне.

– Попросите мадам Кудасову, она сделает.

– Неужто!

– Ну... – пожимает плечами доктор. – Чего не попросите, того не сделает.

Он закуривает сигарету. Дым тонкой струйкой вытягивается в большую форточку – так, что в палате чувствуется лишь лёгкий аромат «Золотого руна».

– Ты ведь ещё и псих, – говорит он Жорику.

Тот грустно качает головой.

– Оно тебе нужно как гадюке стоматолог.

– Да как же!..

Жорик дёргается и осекается, сражённый болью.

– В мире очень мало вещей, которые стоят того, чтобы тратить на них нервы.

– Да ну-у!..

– И если я не прав, пусть меня поправит тот, кто скажет, что их и совсем нет.

С соседней койки слышится мычание парализованного, что привезли накануне вечером.

– Ваня! – зовёт Гиннес, пройдя своей иглой вдоль рук и ног больного.

Парень подходит хотя и скрючиваясь, но довольно про-

ворно.

– Никогда не бери пример с этого человека, – картинно указывает врач на Жорика. – Ради всего святого не валяйся зимой под машиной.

– У меня нет машины.

– Даже тогда, когда у тебя её нет. И очень тебя прошу, не рви тяжести перед собой. Ты у нас грузчик?

– Студент. И по совместительству грузчик.

– Ты это усвой как студент. И запомни на всю жизнь как грузчик. Постой! Я, вообще-то, не для того тебя подозвал. Видишь, кто это?

Лежачий сводит на парня глаза и пытается улыбнуться.

– Это Василий Никитич, ветеран войны и труда. Ты подзаймись-ка с ним, пожалуйста.

– Чем же я с ним займусь?

– А ему надо петь.

– Петь... Чего петь?

– Всё равно. Хоть «Катюшу», хоть «Тачанку». Хоть «В лесу родилась ёлочка». Вот попробуй. Попробуй, не зарывай талант в землю!

Парень несмело затягивает: «В лесу-ро-ди-лась-ё-лочка...» Василий Никитич изо всех сил пытается подпевать, но из него вырываются лишь свистящие звуки.

– Вот так понемножку, помаленьку. Но каждый день. Чем по девкам-то шастать. Да ещё с ишиасом.

Похлопывает Ваню по плечу.

– Я на тебя рассчитываю.

Василий Никитич смотрит на доктора широко раскрытыми бледно-голубыми глазами.

– Вот так, дорогой, – повышает голос Гиннес. – А научитесь петь, будете вот с этим молодым человеком разучивать польку. Бабочку.

Он вспорхнул руками, и голова лежачего затряслась от деформированного недугом смеха.

А доктор уже обращается к Зиме.

– Я посмотрел ваши снимки. Мне можно. Другим советую показывать их как новенький червонец: только из своих рук. И на расстоянии. Я не шучу. Их могут забрать и смыть. А вам очень важно хранить их. Всю жизнь. Что ещё-о? Ещё скажу, что операция вам нужна.

– Та мэни вже обещалы узяты.

– Где это обещали? У нас?

– У областным.

– Вы с ума сошли.

– Но там ж робят...

– Конечно, делают. Раз в месяц. По високо-осным. Надо ехать туда, где их делают... Хотя бы по одной в день. К ребятам, которые на этом сидят.

– Й-ихать?..

– Например, в Питер. Или, скажем, в Новокузнецк.

– Ось як!

– Геморрой, и тот надо знать, где вырезать. А тут позво-

ночник... Ни в коем случае! Хотя и предложат с любезной улыбкой. А то получится: «Доктор, у меня язва, а вы вырезали аппендикс. – Нет, вы посмотрите на эту язву! Ему уже жалко аппендикса!»

Посторонние физиономии в проёме сдавленно фыркнули.

– Леонид Наумович! – дрожащим голосом зовёт мелкий старикашка с угловой кровати. – Вы про меня не забы-ыли?

– Ну, что-о вы! – громко отзывается доктор. – Ру-унчик! Владимир Абра-амыч, дорогой. Как же я могу про вас забыть?

Усаживается перед больным на табуретку и смотрит долгим внимательным взглядом.

– Давно хочу у вас спросить. Кого вы защитили?

– Что-о? – вскидывает тот голову, лысую и лёгкую как майский шарик.

– Я говорю: вы всю жизнь в юриспруденции. А хоть кого-нибудь защити-или?

Взгляд старика загорается, и он, вскинув вверх тоненькую руку, взвизгивает:

– Я-а?! Многих, о-очень многих. Одному человеку грозил расстрел. А я защищал так, что его оправдали. Вынесли оправдательный приговор. Это было ещё при Сталине. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Вы так рисковали?

Он прижал тощую как каркас от зонтика пятерню к грудной клетке.

– Но я был на сто проце-энтов уве-эрен, что он невиновен.

Гиннес достал молоточек, постучал пациента по коленкам. Провёл иглой по голым подошвам. Соседи прыснули, видя, как тот извивается.

– Что ж, рефлексы...

– Ноги ника-ак не улучша-аются.

– Что делать, Владимир Абрамыч, что делать. Годы берут своё. У меня когда-то была великолепная шевелюра. А теперь смотрите, вот!

Он сгибается и звонко шлёпает себя по лысине.

– Значит, купания в реке отменя-аются? – не унимается Рунчик.

– За всё на свете надо платить. Вы жизнь обманули! – с улыбкой наклоняется к нему Гиннес. – Молодую жену взяли? А? Расплата. Я говорю: расплата-то должна быть?

– Да-а... Взя-ал, – эхом отзывается Рунчик. – Но кто мне теперь позавидует!

– Зато очень многие позавидовали ей.

– Скоро и ей не позавидуешь.

Доктор хитро сощуривается.

– Как знать, Владимир Абрамыч, как знать. Вдруг позавидуют ещё больше!

На лицах обоих расцветают скромные усмешки.

– «Купа-ания»! Кажи спасибо, шо ще живой до цих років, – чуть слышно бормочет Зима, когда Гиннес скрывается за дверью.

– Ему легко говорить: «Не трать нервы»! – гремит Жорик, обращаясь ко всей палате сразу. – Что ему, профессору! А тут... Начальство лает, жена пилит, дети орут, гаишники зверствуют. Бандюки на всех дорогах. Эх-х!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.